

РАБОТАЛИ С ВЕЛИКОЙ РАДОСТЬЮ

ЭТО БЫЛО солнечной осенью 1934 года, полвека назад. Времени минуло изрядно, но все равно я испытываю такое ощущение, словно это было вчера...

Мы в гостях у одного из старейших сотрудников Союза писателей СССР Дмитрия Ефимовича Ляшкевича, который со времен А. М. Горького и по сей день работает в СП СССР. Как и полагается летописцу, он более полувека с неизменной любовью и тщанием делает свое важное дело, пропагандируя родную советскую литературу, а заодно собирая различные документы по истории Союза писателей.

Среди многочисленных удивительных редкостей он и сейчас хранит одну из первых факсимильных печаток А. М. Горького. И разные рукописные и иные редкости, которые имеют прямое отношение к нашей теме. Сегодня она особенно интересует и, я рискну утверждать, привлекает нашего многомиллионного читателя, который любит созданный партией полвека назад Союз писателей СССР во главе с Алексеем Максимовичем Горьким — любит и гордится им!

Но перед нашей встречей несколько слов о «старике Ляшкевиче». С юных лет — комсомолец, секретарь райкома, член бюро Ельнинского уездного комитета комсомола. В 1925 году вступил в Коммунистическую партию. Затем служба в Военно-Воздушных Силах Красной Армии, летал, стал штурманом. Потом переезд в Москву, типографский рабочий-линотипист, секретарь одной из комсомольских организаций в Сокольниках. И, наконец, — член правления, зав. отделом и член президиума профсоюза печатников.

— Вот здесь-то меня и подстерегла судьба и навечно приковала к литературе, — вспоминает Дмитрий Ефимович. — В 1931—33 годах я познакомился с писателями Владимиром Бахметьевым, Лидией Сейфуллиной, Мате Залка... В апреле 1932 года ЦК ВКП(б) принял историческое решение о создании Союза советских писателей СССР. Был сформирован оргкомитет, который возглавил А. М. Горький. В его состав вошли А. Фадеев, В. Ставский, К. Федин, Л. Леонов, В. Лидин, П. Павленко, А. Киршон, А. Новиков-Прибой, П. Юдин и другие известные литераторы. Оргкомитет развернул подготовку к Первому съезду советских писателей в Москве — это была поистине громадная работа. А. М. Горький и А. А. Фадеев предложили мне перейти на работу в оргкомитет.

В один из первых дней августа того же 1934 года Алексей Максимович попросил П. Ф. Юдина, меня и юриста нашего комитета Н. В. Крутикова прийти к нему с проектом будущего Устава Союза писателей СССР, который предстояло утвердить съезду. Над этим проектом давно шла большая работа. Он был отредактирован и, как теперь говорят, тщательно отработан и даже напечатан в типографии. Читали его многие, и, конечно, сам Горький.

— Ну-ка, ну-ка, покажите, как он нынче выглядит, — сказал Алексей Максимович и, вооружившись очками, стал внимательно разглядывать принесенные нами первые экземпляры проекта будущего устава СП СССР. — Ну что ж, все вроде, как надо, — сказал, наконец, Горький, медленно листая странички будущего устава. — У меня есть только один вопрос к вам, Павел Федорович, — обратился он к Юдину. — А обсуждал ли этот проект устава актив писателей, например, в Москве?

— Завтра с этой целью собираем столичных литераторов...

— Хорошо, хотя и поздновато, — отметил Горький. — Кроме того, я советую создать комиссию по уставу и кому-либо выступить по этому вопросу в прессе...

— А с главными положениями проекта устава я вполне согласен, — резюмировал Алексей Максимович и подписал его. — Возьмите и отдавайте печатать тираж для обсуждения на съезде.

— Теперь вы можете глянуть на тот, самый первый экземпляр устава Союза советских писателей СССР, — предложил мне Д. Е. Ляшкевич и протянул маленькую книжку «Устава» в серой обложке, на первой странице которой я прочел:

«Принят на I-м Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 г.»

НА ОДНОМ из заседаний оргкомитета возник вопрос о специальной выставке, посвященной Первому съезду советских писателей.

— Как определили тему? — спрашиваю Дмитрия Ефимовича.

— «16 лет советской литературы»...

— Где было решено создать ее?

— В одном из зданий Центрального парка культуры и отдыха. Меня включили в состав комиссии и по организации выставки. Дело, признаюсь, было большим, ибо по замыслу Алексея Максимовича

она должна была представить громадный масштаб усилий Коммунистической партии в области развития советской многонациональной литературы. Поэтому большой коллектив литературоведов, критиков, библиографов, наконец, художников, которых возглавляла главный художник выставки Е. В. Семенова, взялся за дело, масштаб которого был поистине огромным, а времени для работы оставалось очень мало.

...Я слушаю вечно молодого «старика Ляшкевича» и, можно сказать, почти физически ощущаю масштаб той знаменитой выставки. Она имела 14 разделов. Первый — «Классики марксизма-ленинизма в литературе», второй был целиком посвящен жизни и творчеству А. М. Горького. Следующие разделы — «Литература восстановительного периода», литературы народов СССР, оборонной, детской книги, драматургии, международной... Особый интерес, естественно, представил раздел, посвященный росту советской литературы за последние два года после 1932 года, когда было принято известное постановление ЦК ВКП(б) о литературе. Именно этому разделу и экспозиции литературы народов СССР А. М. Горький уделил особое внимание.

— Одним словом, работа была большой, предельно напряженной, ее с великой радостью выполнял замечательный, увлеченный коллектив, — продолжает рассказ Дмитрий Ефимович. — И вдруг 16 августа, утром, мне стало известно, что днем сюда, в ЦПКИО, должен приехать Горький, чтобы предварительно осмотреть уже почти готовую выставку. И он действительно приехал. Поздоровался со всеми и начал неторопливый осмотр всех разделов выставки. Врал с полок книги, особенно радуясь новым изданиям молодых прозаиков и поэтов.

— Вот эта настоящая большая победа! — закончив осмотр раздела, восторженно сказал Алексей Максимович. — Ведь до Октябрьской революции большинство населения многих окраин России даже писать и читать не умело, а сейчас, погляди-те, сколько своих писателей появилось здесь, сколько книг издано... А читателей и того больше стало в наших братских республиках. Хорошо, даже очень хорошо! — воскликнул, рокоча, Алексей Максимович.

Когда четырехчасовой осмотр книжной выставки наконец подошел к концу (замечу в скобках, что на ней было представлено более 12000 книг и в ее организации серьезную помощь оказали многие

библиотеки страны, и прежде всего библиотека имени Ленина), Алексей Максимович, очень усталый, но довольный, вдруг спросил сопровождавших его П. Юдина и директора ЦПКИО Б. Глан:

— А не будет ли организовано у нас в Москве еще что-нибудь интересное для массового читателя в связи с предстоящим Первым съездом писателей?

— Как же, как же! — поторопилась с ответом Б. Глан. — 26 августа здесь, в нашем Центральном парке культуры и отдыха, состоится большой массовый литературный праздник, на котором соберутся лучшие рабочие заводов и фабрик столицы, а также приглашены все писатели — делегаты съезда. Мы надеемся, что и вы, Алексей Максимович, непременно примете участие в этом празднике...

— Сочту за радость, если здоровье позволит, — ответил Горький. — Нет ничего лучшего, чем дружеская встреча с нашим умным и требовательным читателем. Он и пожурит, и, когда надо, похвалит...

И тут же дал поручение: — Прошу вас, товарищ Ляшкевич, хорошенько оповестить об этом празднике всех делегатов и гостей съезда и организовать их приезд сюда, в парк. Дело это важное, интересное, и стоит о нем позаботиться как следует.

ОРГКОМИТЕТ ОБСУДИЛ предложение А. М. Горького и, отменив вечернее заседание 26 августа, решил всем съездом в 16 часов 30 минут отправиться в ЦПКИО на литературный праздник.

Все удалось на славу. Старые москвичи хорошо помнят, как огромный парк был украшен флагами, цветами, стендами со стихами Маяковского. Как на площади около выставки гремела музыка, как москвичи окружали и расспрашивали присутствующих на празднике Эренбурга, Шолохова, Фадеева, Федина, Леонова, Чуковского, Всеволода Вишневского, Кольцова, Корнейчука, засыпая их многочисленными вопросами.

Праздник бурлил. В главной аллее разместились книжный базар. Быстро заполнялась огромная чаша Зеленого театра, и уже через полчаса более 20 тысяч зрителей расположились на скамейках. Первым от имени делегатов съезда выступил старейший писатель Армении — Ширванзаде.

— История мировой литературы не знала и не знает собраний, подобных сегодняшнему, — взволнованно сказал он. — Мы счастливы, что имеем воз-

можность встретиться здесь с вами, своими читателями, рады видеть и слышать вас...

Неугомонный «старик Ляшкевич» действительно просит непременно упомянуть еще о трех вещах.

О том, что на вечере выступили А. Толстой, С. Маршак, К. Чуковский, Янка Купала, Якуб Колас, В. Инбер, А. Сурков, С. Кирсанов, М. Кольцов, А. Барто, А. Гидаш, И. Микитенко, который кстати, взял на себя нелегкую обязанность ведущего, представляя писателей и многочисленных лучших артистов столицы, участников яркого концерта; что в заключение концерта танцевавшие девушки увенчали всех гостей-писателей венками и гирляндами из живых цветов; и, наконец, прощаясь с москвичами, известный испанский писатель Альберти сказал: «Хочу верить, что придет время, когда и мы у себя, в Мадриде, будем так же встречаться с нашими читателями!».

ДА, ВСЕ БЫЛО ТАК!.. Совсем недавно, по крайней мере мне так кажется, несколько лет назад я задал один и тот же вопрос трем участникам Первого Всесоюзного съезда писателей — выдающимся мастерам нашей советской литературы Константину Александровичу Федину, Николаю Семеновичу Тихонову и Ираклию Виссарионовичу Абашидзе: — Чем был в вашей литературной судьбе наш Первый съезд?

И я услышал и записал тогда такие их ответы: — Событием чрезвычайной важности, и не только в литературной, но и вообще во всей моей жизни, — сказал К. А. Федин.

— Этот съезд стал громадным событием дружбы литераторов — дружбы народов нашей страны, — ответил Н. С. Тихонов. — И он показал миру, какие богатейшие творческие силы таит в себе социалистическая многонациональная литература, которой сама история повелела стать лидером художественной мысли в мире.

— А в моей жизни съезд стал событием исключительным! Как известно, я — поэт. Правда, тогда я еще был совсем молодым поэтом, — ответил Ираклий Виссарионович Абашидзе. — И Первый съезд, как первую любовь, как первый рассвет, встреченный в горах, — я никогда не забуду. Ибо он был, есть и вечно будет олицетворением расцвета нашей дорогой социалистической Родины. Мира и счастья ей!